

Она живет в современном московском районе, который вполне можно спутать с такими же в Ленинграде или Киеве. Да и квартира — самая обычная. Нет, впрочем, квартира все-таки необычная, это дом обычно-блочный. А квартира — артистическая! Портреты в багете, афиши, театральные фотографии — актеры, режиссеры. И сама хозяйка очень необычная. Я таких молодых лучистых глаз в восемьдесят пять (а она свои годы не скрывает — гордится!) не встречал. А в углу комнаты теплится лампадка перед ликом старинной работы Тихвинской Богоматери. Сажусь на гостеприимно скрипящий диван, и мы принимаемся чаевничать-разговаривать. Начала Елена Николаевна так:

— Деточка, я ведь из недобрых.

— И!

— Да, а что, непохоже?

Очень даже похоже. Окончательно же убедился в этом, когда просмотрел семейный альбом, где все как один — столбовые дворяне, и от каждого (ну почти каждого) у Елены Николаевны есть в лице черточка, хоть маленькая, но фамильная. Наверное, также и в характере. Лично я знатнее женщины в своей жизни не встречал. По отцовской линии любезная хозяйка происходит от шведского конунга, переметнувшегося в 1242 году на сторону Александра Невского. По материнской линии — от татарского стольника, служившего при Иване Грозном. Оба рода вписаны были в шестую, так называемую Бархатную книгу родов дворянских. Боевые генералы, декабристы, фрейлины. Отец — предводитель дворянства, мать — фрейлина императрицы Марии Федоровны.

— Помните, совсем недавно еще наши литературоведы делили дворян из «Войны и мира» на «городских» и «сельских»? Так вот, мои родители были «сельские». К тому же еще либералы. Жила наша семья в имениях Фатежского уезда, что в Курской губернии. Много добра отец сделал крестьянам — освобождение кормильца от воинской повинности, уменьшение налогов с маломужиков, материальная помощь — все это входило в круг его каждодневных забот. А сколько крестьянским детям от стал крестным! У папы второе образование было медицинское (первое — юридическое). И лечил, и роды принимал. Папа был великолепным пианистом, а мама прекрасно пела. Даже любителей оперы в Италии привела в восторг своим чудесным контральто. Родители прекрасно знали литературу, мировое искусство, свободно говорили на пяти языках. Мы, дети (а было нас шесть сестер и два брата), росли в мире музыки, поэзии, милосердия, радости восприятия природы и всего прекрасного.

— И вот семнадцатый. Как писал классик: «Октябрь уж наступил»...

— Конечно, революция разрушила весь наш мир. Но из-за того, что крестьяне прекрасно относились к родителям, мы стали последними помещиками в губернии, которых изгнали и разорили. Да и не крестьяне нас изгнали. Наоборот, отца предупредили, что надо бежать. И вот, взяв с собой только то, что можно унести в руках, выброшенные из родного гнезда, мы скитались по России. Бегство в Харьков, гайдамаки, снова бегство — на этот раз в Феодосию, эмиграция в Болгарию. Тоска по родине и возвращение. Я преклоняюсь перед своими родителями. Не жалуясь, не хныча, они поставили на ноги огромную семью. А мама по доброте своей подобрала еще в Крыму мальчонку-сироту. «Где десять, там и одиннадцать прокормятся». Чем кормились? Отец давал концерты, а мама пошла в учительницы. Золотое было мое детство, прекрасные мои родители дали мне силы на всю мою, порой очень тяжелую, жизнь. Папа имел необыкновенный дар — в труднейшие минуты подбодрить, рассмешить. Я никогда не адела, чтобы мама плакала, а уж ей-то досталось!

— Елена Николаевна, как же вы попали в артистки? Не дворянское ведь дело.

— Сначала я попала в балетную студию к Седовой. Была такая прима-балерина в Мариинке. Мама разрешила, потому что считала — занятия в студии дадут осанку, прибавят изящества движениям. И для здоровья полезно. Пер-

Большой успех настал Елену Богданову на семидесятом году ее артистической карьеры. Поздновато, но лучше, чем никогда: актриса открылась удивительная. В фильме Вячеслава Криштофовича «Ребро Адама» она сыграла старуху, корень шепотной «женской» семьи. В роли без единого слова — и личная судьба, и история рода, и общее наше происхождение от безвозвратно ушедших, проклятых, но прожитых, а потому неотторжимых от нашего сегодняшнего бытия времен. Елена Богданова недаром стала одной из «главных героинь» актерского фестиваля «Созвездие-91». Правда, официального приза она не удостоилась: жюри не смогло решить, какая из нескольких первоклассных работ в «Ребре Адама» — лучшая. Зато актрисе вручен приз зрительских симпатий и — если бы такой существовал, — несомненно, был бы вручен приз симпатий и уважения от участников фестиваля. Потому что человек по нашим временам она тоже удивительный.

С Еленой БОГДАНОВОЙ беседует корреспондент «ЭС».

То, на чем держится мир

вое мое выступление было в харьковском театре Синельникова — я танцевала Конька-Горбунка. Вот откуда пошла «периферийная» актриса Богданова. И хлебнула же я в после- и послепосле-революционное время! Впрочем, как все актрисы. Нас тогда межсезонье убивало. Все было — и холод, и голод, да не такой, как сейчас, а настоящий — когда действительно ни корочки, ни картошечки. Это уж потом я встала, что называется, на ноги, стала служить в хороших театрах. А в самом начале — ну что с меня возьмешь? Инженюшенка такая была. Потом травести, потом опять инженерю, молодая героиня, основная героиня, характерная старуха. Такой вот

мой послужной список. А городов, в которых играла, и не перечислишь. События театральной жизни сменяли радости и горести личной. В этом отношении моя судьба схожа с жизнью многих женщин — любовь, замужество, рождение сына, смерть мужа. Работу свою всегда любила, гордилась ею. Правда, был у меня перерыв в два года.

— Вы решили поменять профессию?

— Война была. Я и подумала: «Разве сейчас артисты нужны?» Пошла работать в эвакогоспиталь санитаркой. Рук не хватало, делали все: разгружали вагоны с ранеными, мыли, чистили, убирали, таскали носилки. Помню: первый раз прибыла большая партия раненых. Мы

мыли их, и я по неопытности задела раздробленное плечо бойца. От боли выругался он отборным матом. Слезы полились у меня из глаз. Не от обиды. От собственной неумелости и жалости к нему. Когда уже был вымыт, одет и лежал на носилках, он все оглядывался, ища кого-то. Я подошла. Он взглянул, и тень виноватой улыбки скользнула по его лицу. Сколько уж лет прошло, а не могу забыть эту его улыбку — он меня жалел, меня, здоровую! Потом все письма мне диктовал — домой. Бесконечные «а еще кланяюсь» всем членам семьи, включая самых маленьких. А однажды пришла утром на работу, а койка «моего» Никифора — пустая, сиротливая. Жутко мне тогда стало. Многим я потом глаза закрывала... Но знаете что? Вот именно там увидела, какое большое желание у раненых отвлечься от ужасов войны, от смерти, и организовала самодеятельность. И когда поняла, что с бойцами делают пение, танцы, немисловатые сценки, как это им помогает, решила: «Нет, актеры нужны!» И вернулась на сцену.

— А в кино снимались?

— Много раз. А роли все крохотные. Кто меня в кино знает? Но вот режиссер Криштофович предложил большую роль. Конечно, я согласилась.

— Расскажите о вашей работе над ролью в «Ребре Адама».

— Трудная роль. Потому что без слов. Словами все можно сказать. А вот сыграть без слов, как моя героиня все понимает, что вокруг нее происходит, было очень трудно. И все время крупный план!

Как работала? И дома, вот на этом диване репетировала. Лежу, будто умираю, и думаю: «А вдруг сейчас и правда?»

Вот и лет мне уже много, а все равно хочу работать. После «Ребра Адама» появились предложения в кино. Сейчас заканчиваю работу над одной из главных ролей в картине талантливого молодого режиссера Людмилы Медведевой «Грачи прилетели» (ЭМТО «Дебют»). Герои этой грустной и светлой истории — обитатели дома престарелых. Нет, рассказывать пока не буду. Из-за актерского суеверия. Откуда у меня силы? С самого детства (мама приучила) по утрам обтираюсь холодной водой. А ложась спать, молюсь Богу перед этой иконой. Единственная вещь, оставшаяся от детства, от мамы, от бабушки...

— Елена Николаевна! Вы столько судеб людских переиграли и сами жизнь нелегкую прожили. Вот скажите, что для женщины самое главное?

— Самое главное — это любовь. Это то, на чем держится мир.

— А если дома — муж-пьяница! Что ж, его тоже любить!

— Да, даже его любить. А может, он и пьет, потому что его не любят? Любовь ведь разная бывает. Вот послушайте (читает доверительно, тихо, вроде бы свое):

Вы необъятного постичь еще

не в силах,
Вам тайн загробной жизни не понять,
Живите ж так, чтобы, придя

к могиле,

Могли бы вы самим себе сказать:

«Я честным прожил жизнь»,

быв в оболочке тленной,

Творил прекрасное по мере слабых

сил,

И я, мельчайшая пылинка

во Вселенной,

Свой скромный труд Вселенной

подарил».

Перед уходом я не удержалась и спросила:

— Елена Николаевна, я очень удивилась, увидев вас. Вы совсем не похожи на свою героиню из «Ребра Адама». Как...

— Как? Вот это и есть тайна актерской профессии...

Почеловав на прощание руку Женщины, подумал: «Дай-то вам Господь».

Валерий КАНАЕВ.

● Елена Богданова с «Никишкой» — призом зрительских симпатий «Созвездие-91».

Фото А. Белянчева.